

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Жизнь в эпоху
социальных экспериментов
и военных испытаний

1917–1922

Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
University of Illinois (USA)
European University at Saint Petersburg
North-West Branch of the Section
“History of Social Reforms, Movements and Revolutions”
of Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Fundamental Issues of Russian and Foreign History
Professorate of Studying the History of the Russian Revolution 1917, EUSP
Joint Stock Company Goznak

THE ERA OF THE RUSSIAN CIVIL WAR

**Life in a Time of Social Experimentation
and Violence
1917–1922**

Proceedings of St. Petersburg International Colloquium
June 10–13, 2019

Saint Petersburg
Nestor-Historia
2020

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Иллинойский университет (США)
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Северо-Западное отделение Секции
«История социальных реформ, движений и революций»
Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории
Профессура по изучению Российской революции ЕУСПб
Акционерное общество «Гознак»

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

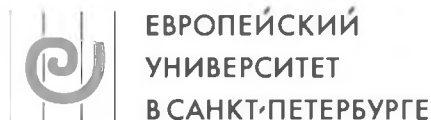
**Жизнь в эпоху социальных экспериментов
и военных испытаний
1917–1922**

Материалы международного коллоквиума
Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.

Санкт-Петербург
Нестор-История
2020

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61
Г75

Издание осуществлено при поддержке Акционерного общества «Гознак» и Европейского университета в Санкт-Петербурге

Редакционная коллегия:

Т. А. Абросимова, Б. Б. Дубенцов, Б. И. Колоницкий,
Н. В. Михайлов (ответственный редактор), А. И. Рупасов, Н. Н. Смирнов,
М. Стейнберг (ответственный редактор), К. А. Тарасов, В. Ю. Черняев, А. Н. Чистиков

Г75 Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 10–13 июня 2019 г.). — СПб.: Нестор-История, 2020. — 656 с.

ISBN 978-5-4469-1699-3

В книге представлены материалы XI Санкт-Петербургского международного colloquium по русской истории, который ставил целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Исследование хода военных действий не предполагалось, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Наряду с докладами публикуются выступления в дискуссиях. Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся русской историей.

The volume presents proceedings of the XI St. Petersburg International Colloquium in Russian History, which aimed to find new approaches to the study of individual and society during the Civil War. The study of military operations was not intended, the focus was on a person who found himself in a difficult situation of political upheaval, social experiments, military trials, terror and violence, his daily life, fears and emotions, strategies and practices of survival. Along with the reports, speeches in the discussion are published. The book is intended for specialists as well as anyone else interested in Russian History.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-4469-1699-3

9 785446 916993

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2020
© Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	9
-------------------	---

Секция I

Организация повседневной жизни и самоуправления в условиях Гражданской войны

<i>Александр Рабинович.</i> Петербургский комитет большевиков в годы Гражданской войны.	13
<i>П. А. Васильев.</i> Пробуя на ощупь границы утопии: эмоции, право и повседневная жизнь в революционной России.	39
<i>Дакота Ирвин.</i> Городская жизнь после «советского эксперимента»: наследие большевистской власти и местное самоуправление в Екатеринбурге.	53
<i>Дирдре Рушитти Харшман.</i> Советский городской быт: районные советы и управление повседневной жизнью в Москве, 1918–1923 гг.	67
<i>А. А. Бимолданова.</i> Казахские волостные управители Степного края в условиях социального эксперимента 1917–1920 гг.: практики адаптации и выживания.	77
Дискуссия.	89
В. В. Калашников (89), Д. Коенкер (93), В. Б. Аксенов (97), Т. А. Абросимова (98), В. П. Булдаков (99), Н. В. Михайлов (100), М. Стейнберг (100), В. И. Шишкин (101), Н. Наганова (102), С. М. Исхаков (102), У. Г. Розенберг (103), Н. Н. Смирнов (103), А. Рабинович (104), П. А. Васильев (105), Д. Ирвин (106), Д. Харшман (107), А. А. Бимолданова (107)	

Секция II

«Жизнь в катастрофе»: повседневность и стратегии выживания

<i>Вера Каплан.</i> «Мы надолго расстались с Петроградом и предпочитаем жить там, где над Кремлем не развевается красного флага».	109
<i>М. А. Витухновская-Кауппала.</i> Карелы Северо-Запада России в Гражданской войне: поиск стратегий выживания.	126

<i>В. Г. Вовина-Лебедева.</i> Способы выживания академического сообщества в годы Гражданской войны: по материалам переписки академика А. А. Шахматова	141
<i>Юэсинь Рейчел Линь.</i> Платить за ненависть добротой: китайско-российский кризис беженства 1916–1922 гг.	156
Дискуссия	171
А. Б. Ретиш (171), А. Н. Чистиков (174), А. В. Ганин (175), Я. А. Голубинов (178), О. А. Махмудов (179), В. П. Булдаков (179), Х. Мурав (180), Е. Ю. Дубровская (180), А. Билалутдинов (182), К. А. Тарасов (182), У. Г. Розенберг (182), Н. Н. Смирнов (183), В. И. Шишкин (185), Б. С. Каганович (185), В. Каплан (186), М. Витухновская-Каушпала (188), В. П. Булдаков (189), М. Витухновская-Каушпала (189), В. Г. Вовина-Лебедева (189), Ю. Р. Линь (191)	

Секция III

Церковь и политическая культура

<i>П. Г. Рогозный.</i> Гражданская война и иконы	193
<i>Скотт М. Кенворти.</i> Патриарх Тихон и первоиерархи Православной Российской Церкви в годы Гражданской войны	208
<i>Элизабет Вуд.</i> Гендер и воображение в период Гражданской войны в России: отсталые женщины и передовые мужчины в иконографической перспективе, 1917–1922 гг.	223
<i>Шейла Фицпатрик.</i> Н. К. Крупская и народное просвещение: новый подход к В. И. Ленину	238
Дискуссия	254
Б. И. Колоницкий (254), Д. Орловски (256), В. Б. Аксенов (259), В. В. Ведерников (260), В. П. Булдаков (261), А. В. Резник (262), О. С. Поршнева (263), Э. Вуд (263), С. Кенворти (263), Я. В. Голубинов (264), С. Б. Ульянова (264), У. Г. Розенберг (264), Н. Н. Смирнов (265), П. П. Котляр (265), О. М. Морозова (266), П. Г. Рогозный (267), С. Кенворти (268), Э. Вуд (269), Ш. Фицпатрик (269)	

Секция IV

Человек эпохи Гражданской войны

<i>А. В. Ганин.</i> Командармы-изменники: коллективный портрет представителей высшего командного состава РККА, изменивших советской власти в период Гражданской войны в России, 1917–1922 гг.	271
<i>А. С. Горный.</i> От «поповичей» до студентов: коллективная биография деятелей белорусского национального движения времен Гражданской войны.	296
<i>К. К. Раджабов.</i> Мадаминбек и Шермухаммадбек курбаши — вожди повстанческого движения в Ферганской долине	304
<i>В. П. Булдаков.</i> Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.)	321

<i>В. Б. Аксенов.</i> От «революционного психоза» к «контрреволюционному комплексу»: психоэмоциональная динамика российского общества в статистике, диагнозах и оценках обывателей в годы революций и Гражданской войны.....	337
Дискуссия.....	357
Б. Б. Дубенцов (357), М. Фрейм (362), М. В. Ходяков (364), Д. Суэйн (364), Н. Наганава (364), В. Ф. Солдатенко (365), М. Стейнберг (369), О. М. Морозова (370), М. Е. Разиньков (372), Л. А. Юзefович (372), С. М. Исхаков (373), М. Витухновская-Каушпала (374), Б. И. Колоницкий (374), А. В. Ганин (375), А. С. Горный (376), К. К. Раджабов (377), В. П. Булдаков (378), В. Б. Аксенов (379)	

Секция V

Политические режимы и национальные движения на постимперском пространстве

<i>В. Ф. Солдатенко.</i> Режим атаманщины в Украинской Народной Республике (1919–1920 гг.).....	381
<i>В. И. Шишкин.</i> Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны.....	394
<i>В. Ж. Цветков.</i> Особенности отношения южнорусского крестьянства к реализации аграрной политики денкинского правительства в 1918–1920 гг.....	410
<i>Норихиро Наганава.</i> Гражданская война как цивилизаторская миссия: роль татарских политработников Красной армии в Туркестане.....	417
<i>Александр Коробейников.</i> География советских национальностей в Сибири: горизонтальные связи и транскультурное взаимодействие в контексте формирования Якутской Автономной Советской Социалистической Республики.....	436
<i>О. А. Махмудов.</i> На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам).....	451
Дискуссия.....	465
А. В. Резник (465), А. И. Рупасов (468), У. Г. Розенберг (469), В. П. Булдаков (470), В. В. Калашников (471), К. А. Тарасов (472), Л. А. Булгакова (472), Б. И. Колоницкий (474), Н. Н. Смирнов (475), С. М. Исхаков (476), В. Ф. Солдатенко (477), В. И. Шишкин (482), В. Ж. Цветков (484), Н. Наганава (485), А. Коробейников (486), О. А. Махмудов (487)	

Секция VI

Насилие и политический террор

<i>О. С. Поршинева.</i> Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны на Урале.....	489
---	-----

<i>Харриет Мурав</i> . Некрополитика и художественная литература в эпоху Гражданской войны в России	506
<i>И. С. Ратьковский</i> . Белый концлагерь: жизнь заключенного Гражданской войны в России	523
<i>О. М. Морозова</i> . Женская жестокость времен Гражданской войны в свете мифов и документов	533
Дискуссия	546
Ш. Фицпатрик (546), А. В. Посадский (548), В. Каплан (551), Б. И. Коло- ницкий (552), В. Б. Аксенов (553), В. П. Булдаков (555), Д. И. Иванов (556), В. Ф. Солдатенко (557), В. В. Лапин (561), О. С. Поршнева (561), Х. Мурав (563), И. С. Ратьковский (564), О. М. Морозова (565)	

Секция VII

Историография и историческая память

<i>К. М. Александров</i> . Профессор Николай Николаевич Головин и его сотрудники о социальном поведении в годы Гражданской войны: концептуальные тезисы	568
<i>П. Ю. Мажара</i> . Вспоминая повседневность войны (по материалам устных рассказов нижних чинов Северо-Западной армии белых, записанных писателем Л. Ф. Зуровым)	583
<i>Я. А. Голубинов</i> . Гражданская война как место и практики памяти в 1920–2010-е гг.: случай Самары	595
<i>К. В. Годунов</i> . Празднования годовщин революционного Октября в эпоху Гражданской войны: эмоции, сакральность, власть	610
Дискуссия	624
Д. Суэйн (624), В. Ю. Черняев (626), У. Г. Розенберг (629), Н. Н. Смир- нов (631), А. В. Ганин (632), Б. Б. Дубенцов (634), И. С. Ратьковский (635), Е. Л. Варустина (636), А. В. Резник (640), В. С. Измозик (641), О. С. Порш- нева (641), К. М. Александров (642), П. Ю. Мажара (647), Я. А. Голубинов (648), К. В. Годунов (649), М. Стейнберг (649)	
Сведения об авторах и участниках коллоквиума	651

ПРЕДИСЛОВИЕ

Санкт-Петербургский международный colloquium хорошо известен специалистам по русской истории второй половины XIX — XX в. Он регулярно проводится уже на протяжении трех десятилетий и вызывает неподдельный интерес как у российских, так и зарубежных историков¹.

От многих других международных форумов Санкт-Петербургский colloquium отличается оригинальная форма организации. С самого первого colloquiuma 1990 г. было принято представлять тексты докладов заранее. Вначале их тиражировали на ксероксе, а в последние два десятилетия участники colloquiuma заблаговременно получали тексты докладов в виде препринта, а также имели возможность ознакомиться с ними в электронном виде на сайте организатора. Это избавляло докладчиков от необходимости зачитывать тексты, ограничиваясь их кратким представлением, а основное время уделялось не оглашению, а обсуждению докладов. Эта особенность Санкт-Петербургского colloquiuma нашла отражение и в публикациях его материалов. С самого начала наряду с докладами публикуются и материалы обсуждения, которые позволяют читателю окунуться в атмосферу научной полемики².

В этой книге публикуются материалы XI Международного colloquiuma «Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922», состоявшегося в Санкт-Петербурге 10–13 июня 2019 г. Организаторами colloquiuma выступили Санкт-Петербургский

¹ Подробнее об истории Санкт-Петербургского международного colloquiuma см.: *Смирнов Н. Н., Потолов С. И.* Двадцать лет сотрудничества // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX в.: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 г.) / отв. ред. Н. В. Михайлов, Й. Хельбек. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 25–38; *Mikhaylov N. V., Rosenberg W. G., Smirnov N. N.* Twenty Five Years of Scholarly Collaboration: the International Russian History Colloquium of the St. Petersburg Institute of History, RAS // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2014. № 1. С. 268–287.

² Полный перечень публикаций материалов Санкт-Петербургского colloquiuma за 1992–2014 гг. см.: Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.) / отв. ред. Б. И. Колоницкий, Д. Орловски. СПб.: Нестор-История, 2017. Примеч. 1. С. 7.

институт истории Российской академии наук, Иллинойский университет (США), Европейский университет в Санкт-Петербурге, Северо-Западное отделение Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории. Проведение коллоквиума стало возможным благодаря поддержке АО «Гознак» и Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сопредседателями международного организационного комитета были М. Стейнберг (Иллинойский университет, США) и Н.В. Михайлов (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук).

Оргкомитет рассмотрел 103 заявки, в программу коллоквиума было включено 32 доклада, официально зарегистрировано более 100 участников. В коллоквиуме приняли участие 25 зарубежных историков, в том числе из США, Австралии, Австрии, Великобритании, Венгрии, Израиля и Японии. Впервые на коллоквиуме были так широко представлены историки ближнего зарубежья: из Республики Беларусь, Казахстана, Узбекистана и Украины.

Организаторы коллоквиума ставили целью найти новые подходы в изучении человека и общества эпохи Гражданской войны. Коллоквиум не предполагал исследования хода военных действий, в центре внимания находился человек, оказавшийся в сложной ситуации политических потрясений, социальных экспериментов, военных испытаний, террора и насилия, его повседневная жизнь, страхи и эмоции, стратегии и практики выживания. Не были обойдены вниманием проблемы гендера, историографии и исторической памяти. Доминирование антропологического подхода не исключало исследования политических институтов и организаций, как красных, так и белых, которые генерировали идеи, задавали определенные, часто очень жесткие, рамки поведения рядового гражданина, ставили его перед проблемой выбора и создавали механизмы проведения в жизнь определенных идеологий и социальных практик.

Публикуемые доклады отличает не только новизна и оригинальность теоретических подходов, но и их наполнение новым конкретно-историческим материалом, как введение в научный оборот неизвестных ранее источников, так и привлечение редко используемых историками источников, с которыми чаще имеют дело социологи, литературоведы, искусствоведы, правоведы, специалисты по психиатрии и другие представители гуманитарного знания. Междисциплинарный подход вызвал интерес участников обсуждения и способствовал плодотворной дискуссии.

Коллоквиум продолжался 4 дня в конференц-зале Европейского университета в Санкт-Петербурге. В ходе научной дискуссии прозвучало 116 выступлений.

И доклады, и дискуссия обнаружили как различные подходы, так и точки соприкосновения. Участники обсуждения согласились с тем, что Гражданская война в России — очень сложный исторический феномен, для которого характерна многоплановая и многоуровневая динамичная картина, отличающаяся крайним разнообразием социальных, культурных и политических процессов

на постимперском пространстве. В ходе дискуссии выявилось различное отношение к концепции Великой российской революции 1917 г. и к периодизации Гражданской войны. Однако отмечалось, что многие из участников Гражданской войны, особенно те, кто выступил в роли «атаманов», «вождей» и «вожжков», в политическом отношении являлись продуктом 1917 г.

Обсуждение показало, что дальнейшее изучение Гражданской войны требует исследования как общих черт, так и территориальной специфики, а также учета международного контекста. Подчеркивалась важность разработки вопроса о разных формах участия в Гражданской войне, основанных на социально-классовых, этнических, религиозных и гендерных идентичностях, учете культурных и традиционных практик, транснациональной динамики и транскультурной перспективы. Явно недостаточным, отмечалось в выступлениях, было внимание к опыту женщин и месту гендера (в том числе и мужественности) в истории и особенно в отношении к пережитому человеком опыту Гражданской войны в России.

Насилие и отношение к насилию были сквозными темами, к которым постоянно возвращались участники дискуссии. Подчеркивалось, что проблема легитимации насилия имеет особое значение для понимания гражданских войн, поскольку, в отличие от «нормальных» ситуаций истории, в этот период как никогда актуальным становился вопрос о том, кто являлся властью и кто мог использовать насилие.

Хотя большинство участников полемики подвергло критике тезис о классовом характере конфликта в том понимании, которое вкладывала в него советская историография, отмечалось, что в ходе Гражданской войны доминировал язык класса, подчеркивалось, что дискурс класса, соответствующая риторика и символика создавали для красных более благоприятную идеологическую ситуацию, которая способствовала их победе в Гражданской войне. Дискуссия показала, что проблема «перевода» политического, религиозного и других языков как никогда актуальна, так же как и изучение языка коммуникации с властными инстанциями, репрезентации образов «своего» и «чужого».

Представленные доклады задали очень широкие географические рамки, что привлекло внимание участников дискуссии к проблеме распада и «сборки» на постимперском пространстве в годы революции и Гражданской войны. Большое внимание было уделено национальным движениям, однако отмечалось, что одной национальной перспективы в изучении Гражданской войны недостаточно. Подвергся критике классический постколониальный нарратив, объясняющий воссоединение отпавших в результате национальных движений территорий исключительно их силовым захватом Красной армией. Подчеркивалось, что такой подход не отражает всей полноты картины. В частности, отмечалось, что мобилизация по признаку национальной идентичности могла иметь целью не выход из состава государства, а являлась стратегией самосохранения в условиях ослабления центральной власти. В процессе «сборки» распавшегося постимперского пространства значение имели не только насилие, но и диалог,

транскультурное взаимодействие и продвигавшиеся большевиками социальные модели и практики, касавшиеся в том числе и национальных отношений.

Тем, кого интересуют материалы обсуждения, полезно будет узнать, что во всех секциях соблюдалась одинаковая очередность выступлений. Первые два — выступления комментаторов, одного российского и одного иностранного, которым оргкомитет доверил открытие дискуссии. Затем слово предоставлялось всем желающим, завершали дискуссию докладчики, имевшие возможность ответить на вопросы и подвести итоги дискуссии.

Магнитофонная запись и расшифровка дискуссии выполнена К. А. Тарасовым. В процессе подготовки издания авторы докладов имели возможность их доработать, а участники дискуссии — проверить тексты своих выступлений. Дискуссия публикуется с незначительными сокращениями: опущены приветствия, выражения благодарности, организационные и информационные сообщения.

Оргкомитет выражает признательность администрации Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге за помощь в подготовке коллоквиума. Слова особой благодарности оргкомитет адресует председателям секционных заседаний Т. А. Абросимовой, Д. Кюенкер, Д. Орловски, У. Г. Розенбергу, Н. Н. Смирнову, М. Стейнбергу и А. Н. Чистикову, которые смогли организовать плодотворную дискуссию.

Оргкомитет выражает благодарность сотрудникам Европейского университета в Санкт-Петербурге: ассистенту факультета истории С. Ш. Мамедли за большой вклад в работу по организации и проведению коллоквиума, а также администратору Центра изучения культурной памяти и символической политики А. Б. Матисовой за усилия по подготовке настоящего издания.

Проведение коллоквиума и издание этой книги было бы невозможно без неоценимой помощи почетного профессора Мичиганского университета, ассоциированного научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН У. Г. Розенберга, чье постоянное внимание и поддержку члены оргкомитета ощущали на всем протяжении подготовки и проведения Санкт-Петербургского международного коллоквиума, который стал еще одним важным шагом в реализации долгосрочного проекта международного научного сотрудничества.

**СПОСОБЫ ВЫЖИВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО
СООБЩЕСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСКИ АКАДЕМИКА
А. А. ШАХМАТОВА¹**

Личный фонд академика А. А. Шахматова, включающий его огромную переписку, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Это ценнейшее собрание источников по истории русской интеллигенции, в особенности академической элиты, а также настроений в различных культурных кругах за несколько десятилетий жизни в науке А. А. Шахматова, т.е. с 1880-х гг. по 1920 г. Корреспонденция охватывает и время Гражданской войны, жертвой которой в каком-то смысле стал он сам². Шахматов умер в конце лета 1920 г. от заболевания, вызванного последствиями недоедания, а также тяжелых физических и моральных нагрузок. В отличие от многих коллег он не покинул Петроград и даже продолжал вести занятия в университете. В это время ему писало огромное число людей, зачастую только в нем видевших возможность узнать о судьбе близких, спасти то, что дорого, восстановить связь с Академией наук. Переписка А. А. Шахматова тех лет есть своеобразная «энциклопедия русской жизни», если не всей, то, во всяком случае, жизни академической элиты, которую разбросало почти по всей стране, тогда как до того она была сосредоточена в Петербурге, Москве и нескольких университетских городах. Само по себе это было тяжелым испытанием для ученых: быть оторванными от столиц, от библиотек, архивов, рукописных хранилищ, зачастую от своих многолетних трудов; не знать их судьбы и бояться, что они погибли, что для многих было почти равносильно собственной смерти.

О переписке А. А. Шахматова эпохи революции 1917 г. уже есть работы³. Сейчас предметом анализа стали комплексы переписки с Н. К. Никольским,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00032.

² В настоящее время начато издание неопубликованной переписки А. А. Шахматова. См.: А. А. Шахматов. Избранная переписка. В 3 т. Т. 1: Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / отв. ред. В. Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2018.

³ «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения»: из переписки ученых с академиком А. А. Шахматовым. Март — декабрь 1917 г. / публ. Е. Ю. Басаргиной, Е. Н. Груздевой, О. А. Кириковой // Исторический архив. 2017. № 4. С. 16–35; *Вовина-Лебедева В. Г.* Отражение революции в переписке А. А. Шахматова // Великая Российская революция 1917: сто лет изучения / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2017. С. 432–441.

С. П. Розановым, А. Е. Пресняковым и письма ученика А. А. Шахматова С. А. Еремина своему учителю в годы Гражданской войны. Ученым того времени, как и всем жителям городов, было сложно выжить в условиях голода и лишений. Люди неожиданно оказались в условиях, к которым большая часть из них была совершенно не подготовлена предшествующим жизненным опытом. В наиболее благоприятных условиях оказались те, кто смог уехать в свои еще сохранившиеся поместья. Поместье А. А. Шахматова Губаревка, где он всегда жил летом, сгорело в самом начале Гражданской войны, и это лишило его возможности найти там убежище от голода для своей семьи. Кому-то помогала жизнь у родственников в деревне или на старых дачах, там, где можно было кормиться от земли и хозяйства. Некоторые ученые оказались в состоянии относительно удачно приспособиться к новой жизни, хотя и не могли, разумеется, радоваться такому опыту. Наиболее подробно хозяйственные проблемы изложены в письмах Шахматову его коллеги по работе в Библиотеке АН и по трудам над древнерусскими хронографами С. П. Розанова⁴.

Уже летом 1917 г. Розанов понял, что Петроград таит опасность, что там будет трудно выжить. В письме А. А. Шахматову 25–28 июля 1917 г., отправленном из Сосницы Черниговской губ., где он проводил лето на хуторе, подробно рассказывается о хозяйственных работах в Соснице, о погоде, сене и видах на урожай. Видно, что Розанов был настоящим хозяином, разбирался в сельской жизни, поэтому в грядущих испытаниях у него было больше шансов уцелеть, чем у иных коллег:

Сено у нас сейчас 1 р. 40 к. пуд, а из Москвы мне писали, что там 5 рублей и дороже. Конечно, хотелось бы продать подороже, и оно, как обычно, дальше, к весне, и будет дороже... Не знаю, как это все будет, а хотелось бы и сделать фруктовые посадки, и увеличить площадь огорода, и осушить болотистые места, и мн. др.⁵

Следующее письмо С. П. Розанова датировано уже 30 апреля 1919 г. В нем сразу же сообщается главное, то, что могло быть и самым страшным, и самым счастливым в изменившемся мире: «Мы все в сборе (двое старших сыновей приехали в начале августа и осенью никто из них в Петрограде не был), только старший работает в качестве фельдшера в 40 верстах от Сосницы». Первые слова («мы все в сборе») обретают особый смысл после прочтения декабрьского письма С. П. Розанова того же года, содержащего такие строки: «Напишите о себе, о своих, об Академии, университете и наших общих знакомых. Мы здесь сидим и ниоткуда почти вестей не получаем. Я недавно только узнал, что моя мать давно уже умерла, а младший брат убит, но при каких

⁴ Переписка А. А. Шахматова с С. П. Розановым будет помещена во втором томе и в настоящее время готовится к публикации Е. Н. Груздевой.

⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 116 – 117 об.

обстоятельствах — неизвестно...» А весной 1919 г. С. П. Розанов подробно рассказывал о том, как удается выжить чудом собравшейся вместе семье:

С марта месяца я поступил здесь на службу в Отдел внутренних дел в качестве заведующего Информационно-инструкторским подотделом. Трудно со службой хозяйствовать в хуторе, но и без денег жить невозможно (получаю 798 руб.). К счастью, мне удалось найти товарища по обработке хуторской земли (с семьей в 3 рабочие силы) и мы теперь работаем вместе (когда я на службе, работает сын Володя). Благодаря хутору, мы все-таки сыты. Жаль только, что у нас нет коровы. Цены здесь такие: молоко до 1 р. стакан, масло коровье 35 руб. ф., сало 25 руб., мясо 10 р. (свинина 12 р.), яйца 13–15 р. десяток, куры 50–75 р. штука, картофель 25 р. пуд, муки и крупы на базаре почти нет, доставать можно только через знакомых (на днях объявили вольную продажу, но поздно, обыватели слишком запуганы и ко всему относятся подозрительно) по цене приблизительно: мука 300 руб. пуд, а крупы 5–7 рублей фунт.

Розанов, видимо, был человеком здравомыслящим. Поскольку, по его словам, он «уже потерял надежду на скорое успокоение в России», то вывод был одним:

Приходится крепко держаться за свой уголок земли, так как с ним не голодаешь, а то ведь многое не достанешь и за деньги, да и плату натурой теперь предпочитают. Имею теперь на своей земле: рожь, ячмень, овес (немного), на днях буду сажать картофель, а потом сеять гречку. На огороде посеял кормовую свеклу и обычные огородные овощи, семян удалось достать, хотя и по очень дорогой цене⁶.

И через год, в мае 1920 г., Розанов все еще писал Шахматову: «Переезжать совсем в Петроград боимся, так как тогда мы лишимся хутора, а он пока как-никак кормит нас». Подробное перечисление цен само по себе представляет интерес, тем более что в письме, написанном весной 1920 г. есть другой перечень, позволяющий оценить гиперинфляцию за год:

Жизнь наша — довольно грустная, но, по крайней мере, благодаря своему хозяйству, мы пока не голодаем: хлеб, картофель, молоко, яйца, чай (сушеные яблоки), кофе (ячмень), дикие груши, кислая капуста, огурцы, свекла пока свои. Базарные цены такие: печеный хлеб — 100 р. фунт, картофель — 600 р. пуд, крупа — 60 р. ф.; масло коровье — 700 р. ф.; сало — 600 р. ф.; мясо — 150 р. ф.; свинина — 200 р. ф.; курица — 500–1200 р. ф.; масло растительное — 500 р. ф.; сахар — 15 р. кусок, яйца — 200 р. десяток; молоко 15–20 руб. стакан. А получаем мы жалованья 3200, а новая ставка — 4300 в месяц, причем учителям жалованье постоянно задерживается⁷.

Несмотря на хутор, наличие которого, конечно, делало жизнь С. П. Розанова и его семьи гораздо более благополучной, чем жизнь многих людей его круга, она была далека от того, к чему он и его семья привыкли. 29/16 декабря 1919 г. Розанов писал А. А. Шахматову: «Мы, что называется, переползаем изо дня в день. Хотя и не голодные, но питаемся без мяса и почти без жиров, так как

⁶ Там же. Л. 118 — 120 об.

⁷ Там же. Л. 114 — 115 об.

последние здесь дороги». Кроме вопросов питания остро ощущалось отсутствие условий для нормальной работы, в частности, проблемы с освещением, что для людей интеллектуального труда было важно:

Но что особенно нас удручает, это отсутствие настоящего освещения: освещаемся одной лампочкой, почему масса времени пропадает для дела. Я бросил свою службу в здешнем Исполкоме (где заведовал информационным отделом) и перешел в школу, в бывшую женскую гимназию (женская школа II-й ступени), где преподаю в общем классе историю литературы, а в другом педагогика, да состою товарищем председателя нашего школьного совета. Хотя школа крайне расстроена, но все-таки чувствуется в ней куда лучше, чем в Исполкоме. Если бы было настоящее освещение, занялся бы курсом педагогики, но при этом освещении, да еще иногда и в холоде, ни к каким книжным занятиям не влечет, а днем некогда, так как кроме школы все остальное время без остатка поглощается хозяйством (прислуги у нас нет никакой, да во дворе 5 голов скота).

В таких условиях было страшно сдвигаться с места и куда-то уезжать:

Хотел было на Рождество съездить в Петроград, но без теплой одежды ехать в такие холода, да еще в нетопленых вагонах и в течение целой недели — боязно. А кроме того, может быть там у нас уже растащено то, что нам нужно. Приходится отложить до более теплого времени⁸.

В более позднем письме С. П. Розанов писал также, что «вагоны являются питомниками тифа: 2/3 едущих в них заболевают тифом», а ведь и так в Соснице «нет почти дома, где не было бы тифа, и много умерло от него». Страх болезни был вызван, конечно, и боязнью за семью, которая жила вместе и, следовательно, стала бы жертвой эпидемии, если бы заразился кто-то один. Правда, в мае 1920 г. произошло событие, которое, видимо, усилило мысли об отъезде в Петроград: «На днях у нас случилось несчастье: телка забодала насмерть мою единственную лошадь и теперь мы крайне затруднены в обработке земли»⁹.

Но мысли о Петрограде не оставляли, и в марте 1920 г. С. П. Розанов стал думать о своем имуществе, оставленном в петроградской квартире. Любопытна последовательность перечисления им того, о возможной потере чего беспокоились в первую очередь:

Нам очень хотелось бы, чтобы Вы с кем-нибудь из Ваших посмотрели на наши вещи и, что возможно (из легкого по переноске), спасли бы, взявши к себе. Но боюсь, что там уже все раскрадено. Так, например, в письменном столе в правой тумбочке под письмами (кажется) лежали золотые часы; в шкапу с энциклопедическим словарем где-нибудь сверху или сбоку коробочка с старинными и иностранными деньгами; в детском матрасе зашита икона с дорогой ризой; у жены в письменном столе (с зеркалом) в коробочках каких-то золотой браслет и т. п.

⁸ Там же. Л. 121 — 122 об.

⁹ Там же. Л. 106 — 107 об.

На втором месте в письме перечислена одежда, дефицит которой ощущали все: «Но теперь для нас, конечно, очень ценна была бы одежда и белье, но, по-видимому, все это раскрадено. Мы здесь донашиваем рваные остатки и того, и другого». И только на третьем месте упомянуты книги: «Книги мои на виду, на полках, а работы или в папках, или в письменном столе, в ящиках (точно забыл)». Розанов просил Шахматова перенести его вещи в одну из комнат (кабинет) и запереть, а также платить за эту комнату, так как Розанов предполагал, что там, возможно кто-то уже живет и платит за нее. Позднее забота о книгах становилась более острой. В мае 1920 г. Розанов настойчиво просил Шахматова: «Книги и бумаги есть не только в моем письменном столе, но и в столе жены. Вообще возьмите все, что только можно»¹⁰.

21 апреля 1920 г. С. П. Розанов писал, что его петроградский домохозяин сам хотел бы занять их квартиру, поэтому советовался с А. А. Шахматовым, стоит ли «продать крупные вещи, т. е. мягкую мебель и проч., — но жене очень жаль рояли, и она желала бы ее сохранить, да и кто будет продавать?» В своем сожалении о рояле Розанов, по-видимому, не совсем понимал, в каком положении находился Шахматов все это время, а также другие коллеги, оставшиеся в Петрограде. Причиной такого заблуждения было отчасти то обстоятельство, что Шахматов мало писал о своих трудностях и всячески заботился об устройстве дел коллег. Ему даже приходилось решать мелкие недоразумения, возникающие между ними. Так, Розанов, который все-таки съездил в Петроград летом 1920 г., после чего вернулся в Сосницу, получил вскоре письмо. А. А. Шахматов писал ему 25 июля (уже незадолго до своей смерти, последовавшей 16 августа):

Вчера Беляев ходил, кажется с лампой или за лампой к г. Лаппо. Тот горько жаловался, что произошла ошибка. Его чай был сложен в Вашей жестянке, и Вы увезли эту жестянку; чаю было 6 фунтов. Не придумаете ли способа возратить ему этот чай? Переслать просто по почте невозможно. Быть может, согласится взять кто-нибудь служащий в Красной Армии¹¹.

С. П. Розанов ответил:

Никакой жестянки с чаем не захватывал и таковой, положительно говорю, нет. Наш чай отличный, прессованный, морской; такого у Лаппо не может быть, да и этого у меня был всего 1 ф. да с 1/8 ф. старого в бумажной обертке... Жестянки же все пустые и сложены у Вас¹².

Но было бы несправедливым не упомянуть письма от 3 июля, из которого видно беспокойство С. П. Розанова за А. А. Шахматова, возможно, возникшее после свидания в Петрограде:

¹⁰ Там же. Л. 108–109.

¹¹ Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 95 — 95 об.

¹² Там же. Оп. 3. Д. 1300. Л. 110 — 111 об.

Стоит жаркая погода. Сегодня утром, купаясь, посмотрел вокруг, увидел, как у нас здесь хорошо, и вспомнил про Вас: хоть бы на недельку Вы приехали сюда и отдохнули бы! Этот год у нас довольно много малины, которую мы и уничтожаем тотчас же и за чаем (вместо сахара), и за обедом с молоком, как кушанье. Порядочно есть и яблоков...¹³

А. А. Шахматова звали к себе многие из его знакомых, но он не считал возможным покинуть Академию и университет.

Другой его известный корреспондент, А. Е. Пресняков, также сумел приспособиться к новым условиям жизни. Из его писем явствует, что в провинции не хватало не столько провизии, сколько предметов, которые на то время могли считаться «роскошью»: табака и мыла. Для горожан, имевших совершенно определенные гигиенические привычки, все это было особенно мучительным. Провизией же они были обеспечены лучше тех, кто остался в столице, поэтому могли пересылать ее своим близким и друзьям. А. Е. Пресняков высылал А. А. Шахматову продукты, как это явствует из его письма от 21 мая 1919 г.:

Вчера были сняты заставы продотрядчиков, обязанностью которых было не пропускать с наших мест зернового хлеба и муки, и одновременно пришло разрешение от Глав. Почт. Телеграф Округа отправлять муку и хлеб, но не более 20 фунтов с тарой, и не более двух посылок вместе на одно лицо. Так как для Вас у меня была заготовлена мука, то спешу сегодня же отправить Вам 15 фунтов ржаной муки в бумажке, который Вам в хозяйстве пригодится; ящиков нет, гвоздей и тряпок тоже. Покупал муку по 320 руб. за пуд. Сидим на пайках, получка по 18 ф. в месяц на человека.

А. Е. Пресняков мог «время от времени теперь посылать муку или хлеб; черкните, что для Вас необходимо». Практичность автора показывает фраза в конце письма: «По возможности возвращайте тряпки и ящики». В ответ Пресняков мечтал получить то, чего не доставало в провинции: «Если Вам будет не в труд, не откажите купить фунта 2 махорки, если нет крепкого табаку, две палочки белого фиктуара и туалетного мыла». И, как многие, он звал: «Как было бы хорошо, если бы кто-нибудь из Ваших приехал к нам гостить, здесь в глуши успокоились и не нуждались бы так, как в Питере»¹⁴.

Совершенно другим человеком был Н. К. Никольский, также многолетний корреспондент А. А. Шахматова: мало приспособленным к бытовым испытаниям, занятым даже в самые тяжелые дни раздумьями о своих научных проектах. Никольский жил в Царском Селе и в полной мере ощутил на себе тяготы петроградского голода и холода. Шахматов постоянно волновался о нем и пытался заботиться, когда тот заболел. В декабре 1918 г. Н. К. Никольский писал А. А. Шахматову:

В один из праздничных или послепраздничных дней — по Вашему выбору — разрешите воспользоваться Вашим недавним любезным предложением насчет дров.

¹³ Там же. Л. 110 об.

¹⁴ Там же. Д. 1064. Л. 143 — 144 об.

Буду премного обязан Вам, если Дроздов согласится приехать для этого в Царское. Большую услугу оказал бы он мне, если бы пред отъездом в Царское Село <...> привез мне мою шубу. <...> Здоровье мое понемногу поправляется, но слабость необычайная, подкрепляют меня мышьяком¹⁵.

Шахматов, занимавшийся денежными и бытовыми делами Никольского, писал 28/15 января 1919 г.:

Деньги 3000 р., которые Вы не могли получить по авансу, спасены. Мы ими уплатили по счету. Меня беспокоит вопрос о Вашей шубе; виноват в том, что забыл сказать о ней Дроздову. Очень и очень порадовался Вашему выздоровлению. Берегите себя. Сюда ездить незачем¹⁶.

В лучшем положении находились те ученые, которые были кровно связаны с деревней. В этом смысле представляют интерес письма к А. А. Шахматову его ученика С. А. Еремина, крестьянина по происхождению. Главной темой этих писем была забота ученика о своем учителе и подробное описание тех продуктовых посылок, которые он тому отсылал¹⁷. 14 января 1918 г. Еремин писал Шахматову из деревни, находившейся недалеко от г. Весьегонска Тверской губ.:

Пользуюсь случаем, чтобы с подателем сего послать Вам 2 фунта сливочного масла. Больше не берутся доставить, да и трудно все еще провезти. Готовлю для Вас небольшую посылочку из продуктов, разрешенных для отправки по почте. На ближайших днях вышлю, как только выясню все сюда относящееся. Вместе с этим не откажите принять сердечное мое и искреннее к Вам расположение и пожелание всякого благополучия и здоровья.

С этого момента С. А. Еремин, видимо, считал заботу о продовольственной помощи А. А. Шахматову своей обязанностью, делал это обстоятельно, спокойно и практично. Он специально обдумывал содержание посылок как человек, который знал, что такое нужда. Прошла зима, и 10 марта 1919 г. он писал:

Мне бы хотелось узнать в каком виде была получена Вами моя посылка, не была ли она распечатана? Важно мне вот в каком отношении, — если она была получена в исправности, со всем содержанием и за печатью, то в зависимости от этого я предполагаю скомплектовать Вам новую посылочку с более «свободным» и разносторонним содержанием.

Еремин узнавал, как дошли посылки, используя для этого разные возможности, в том числе оказии в Петроград, и не унывая, если возникали сложности с почтой. 8 мая 1919 г. он писал:

¹⁵ Там же. Л. 152.

¹⁶ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 729. Л. 203.

¹⁷ О С. П. Еремине см. подробнее: *Вовина-Лебедева В. Г.* К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // *Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской*. Т. 2. М.: Индрик, 2015. С. 495–520.

Я очень извиняюсь, что Вам надоедаю своими письмами. Но мой «посланный» ничего мне толком не рассказал о Вас, я даже не знаю, получили ли Вы посылки, которыми я хотел Вас порадовать к Пасхе — там был хлеб, масло, творог, грибы. Если еще до сих пор не получили, то значит потерялись или съедены почтовым учреждением. Хотел Вам послать еще что-нибудь, но почта отказывается опять принимать.

А. А. Шахматов, как человек щепетильный, принимал посылки с условием оплаты, это видно из письма С. А. Еремина от 22 ноября 1919 г.:

Очень рад, что Вы получили посылочку. Весьма затрудняюсь определить ее стоимость. Посылка была сформирована и отправлена как раз в то время, когда меня не было дома. Соответствовать действительности, вероятно, будет такой расчет: сухари не стоят ничего, грибы если они пришли весом 2 фунта, как было отправлено — 580 руб., отправление и почтовые расходы — 20 рублей. Итого 600 руб.

С. А. Еремин отнесся к оценке своих даров спокойно и с пониманием. Деньги за посылки А. А. Шахматов, видимо, переводил по почте. 22 декабря 1919 г. Еремин писал:

Последние два перевода в 1500 руб. и 804 руб. получил. Чтобы не остаться в долгу, на днях, точнее 21 декабря, послал Вам еще посылку (из сухарей). Издержки на отправку посылки исчисляются всего в 42 руб., само содержание посылки мне ничего не стоит, оно взято из моего пайка положенного по разверстке, а потому прошу его не оплачивать и вообще не беспокоиться, что отправленные Вам посылки вызывают у меня какие-то расходы, никаких расходов, кроме почтовых отправлений, они не вызывают¹⁸.

Итак, тема выживания была на первом месте у большинства корреспондентов А. А. Шахматова. Но, конечно, в письмах шла речь не только об этом. Во многих, особенно в начале Гражданской войны, выражался ужас от происходящего, боль и сомнения в возможности продолжения прежней жизни. Тут разница в позициях была даже более ощутимой, чем в вопросах бытового устройства. А. А. Шахматов писал С. П. Розанову 13 июня 1917 г.:

Так же, как Вы, я в деревне отстал от политики; читаю мало газет и иной раз ограничиваюсь местной, впрочем, хорошей газетой, не развертывая ни «Речи», ни «Русских ведомостей», ни «Русской воли», которые выписываются разными членами нашей семьи. И всякий раз как я погружусь в газету, я теряю душевное равновесие. Две в особенности вещи не дают мне покоя и не подлежат для моих умственных и нравственных сил ни учету, ни разрешению: вопрос о войне и вопрос украинский, кстати, задевающий серьезным образом и Ваши края. Пропала Россия! — вот мой малодушный вывод. И как ужасен вывод этот для нас, которые в перемене правительственной системы видели и искали спасения России¹⁹.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 516. Л. 23 — 23 об.

¹⁹ Там же. Оп. 4. Д. 55. Л. 93 — 93 об.

Здесь А. А. Шахматов как активный кадет подразумевал свою политическую позицию, которая ясно проявлялась во всей его переписке 1900-х гг. Но Шахматов всегда оставался на позициях демократических и патриотических, о последнем говорит замечание по поводу «вопроса украинского»²⁰. Совершенно иной взгляд высказан в ответном письме С. П. Розанова А. А. Шахматову от 25–28 июля 1917 г.:

Вполне разделяю Ваш пессимистический взгляд на ближайшее будущее России. Конечно, все идет естественно: гражданское чувство не только не воспитывалось, но гналось и как тогда, так и теперь «по Сеньке и шапка». Думаю, что остатки могут спасти или иностранцы, введя свою военную силу, или диктатор с казацкими войсками²¹.

Это замечание можно сравнить с одним из писем В. М. Истрина А. А. Шахматову того же времени²². Такие мысли, конечно, свидетельствуют о панике, охватившей часть академического сообщества во время страшных испытаний. Но характерно, что Шахматов, который как раз находился в наиболее тяжелых условиях, этой панике не поддался и своих убеждений, по-видимому, не менял.

В других письмах С. П. Розанова виден страх за будущее, за близких, неприятие нового режима. Розанов писал Шахматову 30 апреля 1919 г.:

С декабря месяца сюда пришли большевики-коммунисты и с тех пор доселе около ближайших к нам станций (Гомель — Бахмач) идет периодически борьба, а поэтому и почта часто вовсе не принимала заказной корреспонденции. К этому — упадок в личном настроении, так как вся жизнь свелась к узким материальным интересам и не видишь конца этому положению. А у жены к этому еще — постоянный неотступный (до болезненности) страх за всех и за все²³.

Даже осознавая, что ему, сравнительно с другими, повезло, С. П. Розанов постоянно сетовал на судьбу и свое положение. 30 апреля 1919 г. он писал: «...За

²⁰ 19 июля 1917 г. А. А. Шахматов писал В. М. Истрину: «Неужели можно пережить позор и унижение Родины с легким сердцем. Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытого министрами предательства украинцев». См.: А. А. Шахматов. Избранная переписка. Т. 1. С. 833; *Вовина-Лебедева В. Г.* Отражение революции в переписке А. А. Шахматова... С. 432–441.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 17 — 17 об.

²² 21 мая 1918 г. В. М. Истрин писал А. А. Шахматову: «Откровенно говоря, была некоторая надежда на немцев, что они введут тут порядок, но теперь и на это нельзя надеяться. Нам остается только одно — чтобы союзники взяли нас в строжайшую опеку и дали бы нам... хоть царя. Иначе — мы окончательно погибнем». См.: А. А. Шахматов. Избранная переписка. Т. 1. С. 837; *Вовина-Лебедева В. Г.* Отражение революции в переписке А. А. Шахматова... С. 432–441.

²³ СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1300. Л. 17 — 17 об.

первый период большевистской революции мы почти не пострадали, но собственно потому, что у нас, можно сказать, нечего взять». Когда через год Гражданская война докатилась до Сосницы, в марте 1920 г. С. П. Розанов писал:

До нас иногда доносятся орудийные выстрелы со стороны Гомеля: по словам газеты, там (на польском или польско-немецком — неизвестно) идут «упорные» бои. Слухи идут всевозможные, но судя по прошлому вероятно, что все вранье. Внутри идет постоянная борьба с восстаниями крестьян. Пока большевики побеждают и жестко расправляются. Если по всей России народоправление такое же, как здесь, то из такой советской власти толку не выйдет: строительства ни на йоту, а добиваются остатки²⁴.

А еще через год, 21 апреля 1920 г. С. П. Розанов писал: «Живется очень плохо, нравственно, конечно. Чувствую, что сильно постарел, хотя в глубине души сдаваться не хочется»²⁵.

С пессимизмом смотрел он и на ту школьную работу, в которой для жалования принимал участие. 1 июля 1920 г. он писал А. А. Шахматову:

Как обнаружилось на съезде, учительство и теперь остается в таком же рабском состоянии от правительства, как это было и в царский режим: за желание учительства мыслить и работать самостоятельно его подвергают со стороны местных властей-коммунистов нареканию в контрреволюционности. Я нахожу, что учительство, как и крестьяне, не контрреволюционно, а просто аполитично, что вообще смешивается с контрреволюцией. Рядом с учительским съездом в Сосницах идет и съезд крестьян-беспартийных. Я там ни разу не был, но слышал, что на этом съезде всех коммунистов забаллотировали, несмотря на все усилия местной партии большевиков-коммунистов²⁶.

Если зрелые люди, состоявшиеся в науке, успевшие сделать в жизни что-то существенное, были настроены таким образом, то отчаяние тем более должно было посетить молодых, тех, кто еще только вступал в науку. С. А. Еремин, бывший крестьянин, приложил огромные усилия, чтобы получить среднее образование, приехать учиться в Петербургский университет. Он серьезно относился к своему будущему, надеялся на совместную работу с А. А. Шахматовым. У себя на родине он был избран волостным гласным, у него были надежды и планы на будущее, связанные со старым режимом. Поэтому ситуация, когда все это рухнуло, оказалась мучительной. Надежда еще жила, и она была связана только с университетом и Шахматовым. В недатированном письме, видимо, написанном в конце 1917 г., С. А. Еремин писал:

Вполне сознаю, что сейчас как будто не время заниматься личными делами, когда гибнет вся национальная культура и когда не знаешь, проснешься ли немецким подданным или «великороссом», когда поставлены на карту судьба не только науки, но и самого отечества, все же хотелось бы выяснить свое отношение

²⁴ Там же. Л. 114 — 115 об.

²⁵ Там же. Л. 107 — 107 об.

²⁶ Там же. Л. 110 — 111 об.

к Университету, думаю, что так или иначе, а учиться все же будут и будут. 16-го декабря, как будто, должно было баллотироваться мое оставление, в каком смысле вырешился вопрос мне и хотелось бы узнать, чтобы в зависимости от результата направить свою волю и внимание²⁷.

С. А. Еремин принял решение пока оставаться в деревне, так как «при “существующем порядке”, больше сделаешь в провинции». Он сначала решил по возможности отстраниться от происходящего:

Одно средство остается — углубиться в книжку, в какую-либо систему, чтобы отвлечься от «свистопляски» жизни. Ничего нельзя поделывать, положения не спасти. И местное и неместное самоуправление лопнуло, затоптано в грязь, гласные разогнаны (в том числе и я) как волостного, так и уездного земства; в волости назначены перевыборы, а в уезде чуть-чуть не попал в тюрьму, спасла протекция — (новый исправник оказался земляк). Трудно социологически осознать жизнь, «ново право». Столько сюрпризов, что, право, если исходить только от фактов, то нельзя предугадать конец²⁸.

Как человек от земли, С. А. Еремин надеялся на то, что жизнь сама выправит режим, созданный «от ума»:

Спасет, быть может, быт: троньте-ка гражданина, вот он справляет «свадьбу», женит сына, и то только потому, что достал 1 1/2 ведра вина да хмелю 9 фунт, наварил он «горшков» 40 пива и загуляет. Уклад крепкий и никакие социализации его не прохвоят. В приходе начинает обнаруживаться клерикализм, вероятно тоже фактор, который, несомненно, будет иметь значение при итоге²⁹.

Через несколько месяцев, 26 февраля 1918 г. С. А. Еремин, видимо, переживал особенно тяжелое для себя время:

Обстановка и условия для занятий невозможны стали и в провинции. Сейчас переживаем последний крик моды — воцарение большевизма со всеми его прелестями: регистрациями, обысками, «обобществлением» имущества и пр. Все растрчено, все великое и святое загажено, растоптано <...> и нет сил ни к моральному, ни интеллектуальному противодействию. Берет отчаяние, — подыдемся ли когда-нибудь: придет ли время для культурной и научной работы?³⁰

И таким же чувством проникнуто письмо от 17 мая 1918 г.:

Едва ли в русской истории стояли в такой степени, как сейчас под угрозой полной гибели и уничтожения наша культура, наше духовное благо, наше творчество, наши знания, наши учебные и ученые учреждения. И чувство глубокой печали, уныния и тревоги охватывает душу все больше и больше с каждым пережитым днем и сбивает с делового настроения на лирический какой-то лад. Стоишь на каком-то распутье и не знаешь, что предпринять...

²⁷ Там же. Д. 516. Л. 35 — 36 об.

²⁸ Там же. Л. 36.

²⁹ Там же. Л. 36 об.

³⁰ Там же. Л. 5 — 5 об.

Отчаяние сменялось надеждой, связанной всегда с крестьянством, с той средой, которая была С. А. Еремину по-настоящему близкой:

Острота общего государственного и хозяйственного кризиса как будто доходит до сознания темного народа, и начинает пробуждаться чувство ответственности за содеянное перед отечеством, элементы национального оздоровления уже можно подметить в самых широких слоях... Что-то будет?³¹

Такое состояние растерянности, очевидно, объяснялось молодостью Еремина, неопределенным социальным статусом, утерей прежних надежд. В письмах старших коллег настроение, как мы видели, было несколько иное: скорее раздражение и неприятие, чем растерянность. А в письмах А. А. Шахматова после лета 1917 г. вообще никакие переживания не описываются, только рассказывается о конкретных событиях, касающихся Академии, университета и коллег.

Из писем корреспондентов А. А. Шахматова можно понять, что после первого периода шока и последовавшей за ним апатии рано или поздно приходило осознание: работа — это способ выживания, путь возврата в прежнюю жизнь, хотя бы отчасти. Настроение ученых менялось, когда они получали возможность начать какую-то деятельность, пусть и далекую от прежней. С. П. Розанов писал А. А. Шахматову 30 апреля 1919 г.:

На 12 число мне, кажется, нужно будет ехать в Чернигов на съезд по вопросам информационно-инструкторского дела. Мое дело интересное, но при других бы обстоятельствах и личных, и общих. К счастью, наш заведующий Отделом человек серьезный и искренно стремится что-нибудь сделать — так при нем чувствуется легче. Но сколько придется мне здесь прослужить — неизвестно³².

Розанов после краткой поездки в Петроград летом 1920 г. сообщал в письме от 1 июля:

Вообще считаю всю мою поездку в Петроград счастливейшей... Дома все благополучно, и только работа без меня не спорилась, поэтому пришлось тотчас же, что называется, с места в карьер. А тут еще у нас в Соснице собрался съезд учителей — пришлось бывать и на нем. Очень жаль, что хозяйственные заботы мешают полнее войти в интересы учительской жизни и несколько поработать там³³.

Н. К. Никольский же никогда от научной работы не отходил и даже в самый тяжелый момент (когда он заболел, и речь, учитывая ситуацию, шла о жизни и смерти) думал в основном о том, какую пользу можно извлечь в это время для своих давних проектов, в частности для давно задуманного грандиозного описания сохранившихся памятников древнерусской письменности. 15 июля 1918 г. он писал А. А. Шахматову из Царского Села:

³¹ Там же. Л. 6–7.

³² Там же. Л. 121 об. — 122.

³³ Там же. Д. 1300. Л. 110 — 111 об.

Конференция Академии наук для ускорения рассмотрения своего бюджета постановила представить Совету Народных Комиссаров в срочном порядке записку о тех академических предприятиях, на которые требуются ассигновки в 1919 году. <...> я намерен был обратиться к Вам с просьбою внести на обсуждение Отделения при составлении сметы его на тот же год свои пожелания по вопросу о библиографии славяно-русской книжности старого времени... В свое оправдание добавлю еще, что мне казалось также целесообразным лишний раз напомнить об изучении прошлой культуры рядом с широкими замыслами об улучшении производительности России и развитии прикладных знаний в ней, почему я и не устоял против соблазна включить в составляемую записку одно из таких напоминаний³⁴.

Что касается С. А. Еремина, то он устроился работать лектором, что было востребовано, учитывая развернувшуюся под эгидой новой власти работу по культурному просветительству масс, тем более что Еремин обладал подходящим социальным происхождением. 26 февраля 1918 г. он писал:

С 1/8-ки хлеба не разбежишься. С марта приглашаюсь Восьегонским Союзом кооперативов для оборудования общеобразовательных курсов и в качестве лектора по истории русской культуры. Буду занят месяца три-четыре, если приму условия³⁵.

17 мая 1918 г. С. А. Еремин извещал А. А. Шахматова о своем повышении:

Пока в настоящее время состою заведующим культурно-просветительным отделом при Восьегонском Союзе кооперативов и существую на это жалование. На «хлеб и картофель», даже на масло и «мясо» хватает одному вполне³⁶.

Эта и другие работы велись ради заработка, но вдобавок появилось занятие, которое захватило Еремина. Еще в студенческие годы он интересовался записями местных говоров своего уезда, поэтому вскоре оказался вовлеченным в развернувшееся после революции по всей стране движение краеведов. 2 июля 1919 г. он писал:

На днях только что вернулся из Твери, где нашел кое-какие материалы о Восьегонском уезде, материалы исторического характера, которые позволяют мне приступить в скором времени к задуманной работе³⁷.

После этого общий тон писем Еремина стал иным, деловым и почти бодрым. Работа ради заработка уже воспринималась как досадное отвлечение от настоящего дела:

Сейчас мобилизован в уезде провести краткосрочные курсы для взрослых. Помимо заведывания курсами возложен на меня 8-часовой курс на тему: «Основные

³⁴ Там же. Д. 1064. Л. 142 — 142 об.

³⁵ Там же. Д. 516. Л. 5 — 5 об.

³⁶ Там же. Л. 6–7.

³⁷ Там же. Л. 18 — 18 об.

формы народного хозяйства — капиталистическая, социалистическая и кооперативная». Все эти отвращения ужасно мешают систематической работе и подготовке, когда только кончится вся эта канитель, не знаю³⁸.

9 марта 1920 г. С. А. Еремин просил у А. А. Шахматова помощи в организации научной работы. По тону письма видно, что он уже чувствовал себя полезным участником большого дела:

Мне бы очень хотелось получить программу по собиранию народных говоров (северно-великорусских), хорошо было бы получить большую программу, но если таковой не окажется, то можно и маленькую. Программа необходима местному обществу изучения края для собирания материала по местным говорам. Весьма не лишне было бы получить и программу для собирания этнографического материала. Нельзя ли как-нибудь устроить присылку их мне по почте, хотя бы бандеролью?³⁹

Научная работа не могла не оживить мечты о возвращении в университет. 17 мая 1920 г. С. А. Еремин писал:

За последнее время все чаще приходит в голову мысль о перемене места жительства на зиму. А тут вдруг получаю Ваше письмо. В смысле продовольственном, из-за квартирных условий здесь, в провинции жить как будто бы лучше, чем в Петрограде, но в смысле занятий — здесь, на месте условия самые неблагоприятные. Размениваешься, масса отвлечений, «непредвиденных обстоятельств» и пр. — все это мешает и лишает возможности отдаться систематически делу подготовки⁴⁰.

Молодому ученому было жаль оставлять удачно начатое дело в Весьегонске («живя здесь, можно сделать много интересных наблюдений над говорами уезда, собрать материал по этнографии местного края»), но он понимал, что все его перспективы связаны с Петроградом, где он был еще в 1917 г. оставлен при университете, и в мыслях он был уже вновь там. Теперь его тревожило только то, что за годы войны он мог утратить приобретенный ранее научный уровень. Эта тревога проскользнула в письме к А. А. Шахматову еще 17 мая 1918 г.:

Хотелось бы очень с Вами побеседовать о том, как быть и что мне предпринять в деле совершенствования в науках, чтобы выполнить обязательство, как перед Вами, так и перед Университетом.

А весной 1920 г. Еремин уже весь был поглощен новыми планами, был готов к большой работе, от растерянности не осталось и следа:

Начинаю уже тревожиться, как бы не опуститься, не ослабить воли к труду. Но сдаваться не хочется. Надо выбираться и выбиваться. Товарищи, правда, они немного старше меня по курсу, идут вперед. Нужно подтянуться и мне⁴¹.

³⁸ Там же. Л. 18 об.

³⁹ Там же. Л. 29.

⁴⁰ Там же. Л. 31–32.

⁴¹ Там же.

Старшим его коллегам, скорее, была в эти годы свойственна тревога за свои уже написанные труды. С. П. Розанов писал А. А. Шахматову в декабре 1919 г:

Боюсь, чтобы не пропали в моей квартире остатки моих книг. Я писал, чтобы их передали Вам, особенно мои экземпляры Хронографа и папки с работами, да не знаю, как это могло бы удасться⁴².

А 15 мая 1920 г. С. П. Розанов писал, что собирается ехать в Петроград и хочет хлопотать о своих бумагах и писать заявление в Академию наук:

Так как мы ведь не бежали, а были распущены Советским правительством «на родину», а отсюда я не мог выбраться в Петроград отчасти по служебным обязанностям (служил сначала заведующим информационным подотделом при Сосницком Исполкоме, а потом школьным учителем), а больше вследствие военных обстоятельств, так как здесь была прифронтовая полоса⁴³.

Живший один Н. К. Никольский в тяжелый момент, когда, как сказано в его письме А. А. Шахматову от 28 ноября 1918 г., «для удаления “инородного тела”, по моей неосторожности попавшего в пищевод, мне на днях предстоит операция, исход которой, конечно, трудно предвидеть», был «принужден оставить собранные для Академии материалы без призора» в надежде, что «как-нибудь они уцелеют до моего возвращения из клиники... если таковое состоится». Если же он не вернется («в противоположном случае»), Никольский просил Шахматова «принять меры к их охране», «предпринять шаги к тому, чтобы все находящееся в ней (квартире. — В. В.) вместе с академическими материалами и книгами не было бы реквизировано», т. к. в противном случае они погибнут: «Если же Вам не удалось бы отстоять свои права на материалы и книги, принадлежащие Академии, то, конечно, должны будут погибнуть и все начатые работы мои»⁴⁴. По счастью, тогда Н. К. Никольский, в отличие от А. А. Шахматова, уцелел, возглавил вместо Шахматова Библиотеку Академии наук и пережил его на 16 лет.

Итак, анализ этой части переписки А. А. Шахматова позволил выделить в качестве основных три темы: описание быта и физического выживания, страх перед настоящим и тревога о будущем, стремление к возвращению в Петроград для возобновления работы. Но у всех корреспондентов эти три темы раскрывались по-разному, в зависимости от особенностей личности, предшествующего опыта и сложившихся обстоятельств.

⁴² Там же. Д. 1300. Л. 122 — 122 об.

⁴³ Там же. Л. 108–109.

⁴⁴ Там же. Ф. 247. Оп. 3. Д. 191. Л. 78–79.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И УЧАСТНИКАХ КОЛЛОКВИУМА

Абросимова Тамара Александровна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Аксенов Владислав Бэнович – Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Александров Кирилл Михайлович – Свято-Филаретовский православно-христианский институт, мемориально-просветительский и историко-культурного центр «Белое Дело», Москва, Санкт-Петербург

Билалутдинов Азат – Колумбийский университет, США

Бимолданова Айгуль Амантаевна – Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан

Булгакова Людмила Алексеевна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Булдаков Владимир Прохорович – Институт российской истории Российской академии наук, Москва

Варустина Елена Львовна – Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (Смольный институт)

Васильев Павел Андреевич – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург»

Ведерников Владимир Викторович – Санкт-Петербургский государственный технологический институт

Витухновская-Кауппала Марина – Александровский институт Хельсинкского университета, Финляндия

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Вуд Элизабет – Массачусетский технологический институт, США

- Голубинов Ярослав Анатольевич* — Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург
- Горный Александр Сергеевич* — Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь
- Дубенцов Борис Борисович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Дубровская Елена Юрьевна* — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Петрозаводск
- Иванов Дмитрий Игоревич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Измолик Владлен Семенович* — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича
- Ирвин Дакота* — Университет Северной Каролины, США
- Исхаков Салават Мидхатович* — Институт российской истории Российской академии наук, Москва
- Каганович Борис Соломонович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Калашиков Владимир Валерьянович* — Санкт-Петербургский государственный университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
- Каплан Вера* — Тель-Авивский университет, Израиль
- Кенворти Скотт* — Университет Майами, США
- Коенкер Дайана* — Университетский колледж Лондона, Великобритания
- Колоницкий Борис Иванович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Коробейников Александр* — Центрально-Европейский университет в Будапеште и Вене, Венгрия, Австрия
- Котляр Павел Петрович* — Европейский университет в Санкт-Петербурге
- Латин Владимир Викентьевич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Линь Юэсинь Рэйчел* — Эксетерский университет, Великобритания
- Мажара Петр Юрьевич* — Российский государственный архив военно-морского флота, Санкт-Петербург
- Махмудов Ойбек Анварович* — Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан

- Михайлов Николай Васильевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Морозова Ольга Михайловна* — Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону
- Мурав Харриет* — Иллинойский университет, США
- Наганава Норихиро* — Центр славянских и евразийских исследований Университета Хоккайдо, Япония
- Орловски Дэниель* — Южный Методистский университет, США
- Поршинева Ольга Сергеевна* — Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург
- Посадский Антон Викторович* — Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Саратов
- Рабинович Александр* — Индианский университет, США
- Раджабов Кахрамон Кенджаевич* — Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Узбекистан
- Разиньков Михаил Егорович* — Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
- Ратьковский Илья Сергеевич* — Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета
- Резник Александр Валерьевич* — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»
- Ретшиш Аарон Б.* — Университет Уэйна, США
- Рогозный Павел Геннадьевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Розенберг Уильям Г.* — Мичиганский университет, США
- Рупасов Александр Иванович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
- Смирнов Николай Николаевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета,
- Солдатенко Валерий Федорович* — Институт политических и этнонациональных исследований им. И. Ф. Кураса Национальной академии наук Украины, Украина
- Стейнберг Марк* — Иллинойский университет, США

Суэйн Джеффри — Университет Глазго, Великобритания

Тарасов Константин Андреевич — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики — Санкт-Петербург»

Ульянова Светлана Борисовна — Санкт-Петербургский политехнический университет им. Петра Великого

Фицпатрик Шейла — Сиднейский университет, Австралия

Фрейм Мюррей — Университет Данди, Великобритания

Харшман Дирдре Рушитти — Университет Кристофера Ньюпорта, США

Ходяков Михаил Викторович — Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Цветков Василий Жанович — Московский педагогический государственный университет

Черняев Владимир Юрьевич — Свято-Филаретовский православно-христианский институт, Москва

Чистиков Александр Николаевич — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Шишкин Владимир Иванович — Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирский государственный университет, Новосибирск

Юзефович Леонид Абрамович — писатель, Санкт-Петербург

Научное издание

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:
ЖИЗНЬ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ
ЭКСПЕРИМЕНТОВ И ВОЕННЫХ ИСПЫТАНИЙ
1917–1922

Сборник докладов международного коллоквиума

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *О. Д. Курта*

Подписано в печать 03.06.2020. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 53. Тираж 300 экз. Заказ № 1972

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86